

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

Е.Д. Андреева

ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕНРИ РАЙДЕРА ХАГГАРДА

Монография

Рекомендовано к изданию Учёным советом федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

Оренбург
2013

Елена Андреева

**Ориенталистские
мотивы в творчестве
Генри Райдера Хаггарда**

«БИБКОМ»

2013

УДК 82.09 (42)
ББК 83.3(4)

Андреева Е. Д.

Ориенталистские мотивы в творчестве Генри Райдера
Хаггарда / Е. Д. Андреева — «БИБКОМ», 2013

В монографии представлены результаты исследования функционирования ориенталистских мотивов в поэтике «африканских» (приключенческих) романов Г.Р. Хаггарда, уточняется содержание понятий «ориентализм», «ориентальный», «ориенталистский», «восточные мотивы», введено в научный обиход понятие «африканизм». Монография адресована студентам, обучающимся по специальности «Филология», аспирантам, преподавателям, а также широкому кругу лиц, интересующихся английской литературой.

УДК 82.09 (42)
ББК 83.3(4)

© Андреева Е. Д., 2013
© БИБКОМ, 2013

Содержание

Введение	5
1 Восток в литературном и культурном сознании Европы	9
1.1 История понятия «ориентализм» и его содержание	9
1.2 Развитие ориентальных мотивов в английской литературе от истоков до конца XIX века	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Е. Д. Андреева

Ориенталистские мотивы в творчестве Генри Райдера Хаггарда

Введение

Творчество английского писателя-романиста Генри Райдера Хаггарда (1856-1925), которого отечественные литературоведы относят к авторам второго ряда, по мнению зарубежных исследователей, во многом отразило политическую обстановку в Британии и впитало в себя основные идеи английского общественнополитического дискурса того времени. Считая себя прежде всего политиком и публицистом, Г.Р. Хаггард большинство своих идей передал посредством художественного творчества. Это особенно важно, так как современный читатель ценит его, главным образом, как блестящего создателя приключенческих романов.

Действие его книг происходит в английских колониях, в большинстве случаев – в Южной Африке. С одной стороны, писатель выступает с защитой колониализма и империализма, последовательно проводя мысль о необходимости завоевания новых земель, населенных первобытными племенами, которые не способны распоряжаться богатствами земли и нуждаются в помощи белого человека, чтобы выйти из тьмы невежества к свету и благам цивилизации.

С другой стороны, являясь по форме и во многом по содержанию «империалистическими», его романы часто отражают противоположные идеи – о равенстве рас и самобытности африканской культуры и цивилизации, не нуждающейся во вмешательстве белых.

Одностороннее идеологическое понимание творчества Г.Р. Хаггарда нуждается в серьезном пересмотре, в понимании глубинных основ его писательской деятельности, в признании того, что писатель следовал запросам читающей публики переломного периода, уставшей от серьезности современных ей ситуаций и желавшей отдохнуть в ярком мире приключенческого, «массового» романа. Именно ориентация на читательский интерес создала его романам широкую аудиторию. Его стиль, взволнованный, неровный, грубоватый, стиль очевидца, запоминался современникам, а поднятые им африканские темы пришлись как нельзя кстати.

Г.Р. Хаггард как незаурядный писатель и мастер приключенческого романа всегда пользовался популярностью у читателей и привлекал внимание литературоведов, в частности, с точки зрения отражения в его творчестве политической обстановки того времени, а также определенных тенденций в литературе и искусстве, преломления литературной традиции. Его творчество рассматривалось в контексте особого жанра колониально-приключенческого романа в работах таких исследователей, как Е.П. Брандис [21], М. Грин [190], Д.Д. Киллам [210], Э. Леманн [170].

Отдельные монографии, посвященные творчеству этого писателя, стали появляться во второй половине XX в. Одна из наиболее ранних работ – книга Л. Райдер Хаггард «The Cloak That I Left» (1951) [200]. Для зарубежных исследователей характерно внимание к биографии писателя: работы М. Коэна [179], Д. Хиггинса [203], Н. Этерингтона [185]; к его политической и общественной деятельности: монография П. Эллиса [184]. Творчеству Г.Р. Хаггарда как писателя посвящены исследования В. Катц [209], А. Сандисона [222], Х. Фогельсбергера [230], Д. Хиггинса [204], П. Эллиса [183]. Исследователи обращаются к отдельным сторонам

творчества Г.Р. Хаггарда: теме анимы (К. Брюннер [177]), образу Африки (Л. Стайбел [224]), а также жизни хаггардовских произведений в других видах искусства (Ф. Либфрид [211]).

В России произведения Г.Р. Хаггарда активно издаются на протяжении всего XX в. (например, собрания сочинений, выпущенные в 1915 г. издательством П.П. Сойкина в Петрограде, издательствами «Терра» в 1991-1993 гг., «Фолио» в 1992-1994 гг., «Библио» в 1992 г., «Обновление» в 1994 г.). Исследования хаггардовского творчества – это в основном вступительные статьи к его книгам. «Африканская» биография Г.Р. Хаггарда представлена в статье А.Б. Давидсона [43]; проблематика отдельных его произведений освещена в статьях Д. Урнова [133], Н. Жегалова [52], И. Васильевой [24]; об их жанровом своеобразии говорится в книге Е.П. Брандиса [21], в статье А. Темчина [126]; проблемы поэтики затрагиваются в статьях Н. Жегалова [51], Г. Кузнецова [81], Н.Д. Садомской [116].

В 2006 г. вышла монография Н.Д. Садомской «Творчество Генри Райдера Хаггарда и английская литература конца XIX – начала XX века» [117], первая и пока единственная подобная работа в России. В монографии представлен творческий путь писателя, его портрет на фоне культурно-исторической ситуации времени; всесторонне изучено литературное наследие писателя (как публицистика, так и художественное творчество), его философские, эстетические и политические взгляды. Творчество Г.Р. Хаггарда включено в широкий литературный и культурный контекст, его романы сопоставлены с произведениями других авторов рубежной эпохи, творивших в жанре колониального романа. В книге также поставлен вопрос о своеобразии приключенческого жанра в литературном процессе конца XIX в. Но несмотря на это, есть аспекты творчества Г.Р. Хаггарда, нуждающиеся в уточнениях и дополнениях.

Проблема функционирования восточных мотивов в мировой литературе недостаточно изучена в литературоведении, а ориенталистские мотивы творчества Г.Р. Хаггарда до сих пор оставались вне исследовательского интереса. Помимо этого, необходимо исследовать историко-культурный фон творчества Хаггарда как представителя приключенческой литературы рубежной эпохи. В последних литературоведческих работах его творчество начало переосмысляться в рамках идеологической литературы британского колониализма, однако поэтика приключенческого жанра в наследии писателя не получила достаточного освещения.

Понятие «мотив» до сих пор не имеет однозначного определения, как и отсутствует строгая классификация мотивов в мировой литературе. В рамках данной работы под мотивом будет пониматься любая значимая единица текста, обладающая повторяемостью, вариативностью и устойчивостью. Также важна типология мотивов Б.В. Томашевского [128] (связанные, свободные, динамические, статические) и Б.М. Гаспарова [33] (существенные и периферийные), а также классификация функций мотивов, предложенная Г.И. Романовой (функции организации текста; полярности структуры; напряжения; схематизации; обострения конфликтных ситуаций; объединения мотивов; направления истолкования) [114: 196-198].

Изучение ориенталистских мотивов и структуры образа «далекой земли» в художественных произведениях Г.Р. Хаггарда, с одной стороны, позволяет уточнить некоторые закономерности в использовании топоса «остров (замкнутое пространство)» в приключенческой литературе, установить его связь с образами героев, их сюжетными функциями и развитием сюжета в целом, а также определить место данного топоса в композиции произведения. С другой стороны, на примере хаггардовских произведений видно, как актуальные вопросы общественной и политической жизни преломлялись в приключенческом романе.

Данное исследование строится на анализе цикла «африканских» романов Г.Р. Хаггарда. Из многочисленного корпуса «африканских» романов для изучения выбраны несколько про-

изведений, главным критерием отбора которых послужила степень «реалистичности» текстов, под которой понимается следующее.

Во-первых, наличие минимума «белых» героев среди действующих лиц. Обойтись совсем без «белых» персонажей писатель не мог, однако в цикле есть роман, где все действующие лица – туземцы («Нада», 1892).

Во-вторых, созданный в романах широкий исторический фон. Сюжеты всех произведений Г.Р. Хаггарда опираются на события, которые происходят в глубинах неизведанного материка. Консолидация южноафриканских племен под руководством короля Чаки (ок. 1787-1828) и образование зулусского государства, война буров с кафрами 1834-1835 гг., «Великий трек» (переселение) буров из Капской колонии в глубь материка (1837-1838), гибель партии Пита Ретифа в краале Дингаана, борьба двух зулусских принцев за власть и сражение на реке Тугела 1856 г., британская аннексия Трансвааля 1877 г., англо-зулусская война 1879 г., первая англо-бурская война 1880-1881 гг. и др. – эти факты давно стали достоянием истории. Но некоторые события откровенно фантастичны, например, в романах «Аллан Квотермейн» (1887) и «Она» (1887). Поэтому для исследования отобраны такие романы, которые в большей или меньшей степени имеют привязку к историческому прошлому или настоящему (для самого писателя) Африки.

В-третьих, отчетливо выраженная авторская идеологическая позиция. Г.Р. Хаггард не изменяет своей идее покорения Африки англичанами, но создает и такие произведения, где сюжет в достаточной степени отражает политическое противостояние белых завоевателей и черных аборигенов. В таких текстах идеологическая позиция автора выражена наиболее открыто и ясно, и в то же время в них заметны противоречия между Хаггардом-империалистом и Хаггардом-писателем, не имеющим права поступаться человеческой истиной.

Исходя из вышеназванного критерия, для исследования избраны шесть романов и две повести: «Копи царя Соломона» (1885), «Нада» (1892), «The Wizard» («Колдун», 1896), «Marie» («Мари», 1912), «Дитя Бури» (1913), «Finished» («Развязка», 1917), а также «Мщение Маивы» (1888) и «Черное Сердце, Белое Сердце» (1900). Присутствие в этом списке романа «Копи царя Соломона» определяется тем, что это первый роман, полностью созданный на африканском материале. Он стал идейно-эстетическим центром всего творчества Г.Р. Хаггарда. В нем уже присутствуют темы, идеи, мотивы, которые будут разрабатываться писателем на протяжении его сорокалетнего творческого пути. Для сравнения приводятся также и другие произведения писателя. Делается это для подтверждения объективности исследования и установления значимости того или иного мотива для всего «африканского» цикла романов Г.Р. Хаггарда.

Тем не менее, в текстах, оставшихся вне области исследования, нашел более яркое выражение образ Африки как загадочного континента. В них большее внимание уделено описаниям природы Африки, бытовой и обрядовой стороны жизни туземного населения. В этих текстах сильнее выражена очерковая манера писателя, его стремление охватить все достойное писательского внимания. Данный критерий отбора, возможно, сужает поле исследования, однако включение в рассматриваемый контекст остальных произведений открывает перспективу дальнейшей научной работы над темой.

Заметим, что из шести романов Г.Р. Хаггарда, взятых для исследования, только три переведены на русский язык. Вообще, произведения Г.Р. Хаггарда достаточно активно переводились на русский язык, и переводы появлялись практически следом за публикацией книг в Англии. Но до сих пор переиздаются только старые переводы, часто неполные. Переведены в основном те романы писателя, где центральное место занимает приключение. В «русский» корпус не включены идеологические произведения Хаггарда, как и вся его публицистика. Такое предпочтение легко объяснимо: Россия на рубеже XIX-XX вв. во многих областях соперничала с Великобританией и в период второй англо-бурской войны активно поддержи-

вала противников англичан, буров, поэтому появление на русском языке произведений, восхваляющих английский строй, английский характер и английский империализм было нежелательным.

С другой стороны, из переведенных текстов издателями удалены идеологически значимые и концептуальные для творчества Г.Р. Хаггарда авторские посвящения и предисловия. Это в определенной мере искажает восприятие русским читателем произведений писателя, так как многие романы в соответствии с его замыслом представляют собой воспоминания героев, их впечатления от путешествий по неизведанной стране, от участия в реальных событиях. Все это, однако, принципиально важно для понимания поэтики хаггардовских романов. Переводчиками опускались также многие описания природы или обрядов, не существенные, на их взгляд, для развития действия.

Данное наблюдение предопределило необходимость проверки канонических переводов по оригиналу; примеры из непереуведенных текстов даются в нашем переводе.

1 Восток в литературном и культурном сознании Европы

1.1 История понятия «ориентализм» и его содержание

Восток и все связанное с ним занимает ум и воображение западного человека уже более трех тысячелетий, и это не случайно. Восток коренным образом отличается от Запада, и западный практический ум давно заметил эту разницу между собой и своим извечным соседом. Зародившись в глубокой древности, интерес европейцев к Востоку не угасал, как не прекращалось противостояние Запада и Востока, достигшее своего апогея в XX в.

По мнению ученых [16, 23, 71, 174, 221], Восток – это родина человечества. Первые древнейшие цивилизации возникли и развились именно на Востоке, ставшем родиной многочисленных изобретений, пока пальму первенства не перехватил прагматичный Запад. Восток привлекает своей историей и культурой, особенностями общественного устройства, взаимоотношениями человека и религии, возможностью познать себя через другого. Немаловажным фактором интереса к Востоку является и поиск Западом своих собственных корней и истоков.

В англоязычной науке закрепились два понятия для обозначения Востока как целостности: East и Orient. Словом «East» обозначается географическая общность стран, лежащих вне пределов западного мира. Под словом «Orient» подразумевается общность духовная, культурная, ментальная. Именно это значение вложено в слово «Восток» в данной работе.

От слова «Orient» произошло название науки «ориентализм», которая изучает не географическое или экономическое положение Востока, а его духовную и культурную историю.

Поскольку существует множество различных моделей, образов и концепций Востока, то и толкований «ориентализма» немало. Его трактуют как науку в академическом смысле слова, как идеологический и политический дискурс, выгодный западной цивилизации, как доктрину покорения Востока или как синоним расизма.

Если рассматривать «ориентализм» среди классических наук, то он, бесспорно, возник как филология и герменевтика, наука о письменных памятниках Древнего Востока и их толковании. На этом настаивает видный отечественный филолог Н.И. Конрад [71]. Этой же точки зрения придерживался знаменитый русский журналист XIX в. О.И. Сенковский. В статье 1854 г. «Европейские турки» он писал: «Восток донныне был доступен и понятен одним только ориенталистам, которые, сроднившись с его языками и делами продолжительным изучением, знали его понятия, дух религии, законы, убеждения, предрассудки, средства и действия, из подлинных и достоверных документов – из собственных писаний Востока» [122, с. 42]. Сенковский определил и круг интересов ученых-ориенталистов: языки, «дела», т.е. история, «понятия» и «убеждения», т.е. философия и наука, религия и «предрассудки».

Схожим образом характеризовал ориентализм И.С. Брагинский в статье «Основные вехи развития востоковедной науки»: «**Востоковедение** (или ориенталистика) – исторически сложившаяся в Европе наука, комплексно изучающая историю, экономику, языки, литературу, искусство, религию, философию, памятники материальной и духовной культуры Востока <...>» [18, с. 43].

Таким образом, ориентализм – это комплекс гуманитарных наук, включающий в себя языкознание, литературоведение, социологию, экономику, историю, искусствознание, философию и др.

Подобное определение существует и в зарубежной исследовательской мысли, например, у К. Уиндшаттла: «Ориентальные науки – это комплексная научная сфера, включающая в себя филологию, лингвистику, этнографию и интерпретацию культуры через открытие, восстановление, компиляцию и перевод восточных текстов»¹ [234] (Здесь и далее перевод иноязычных источников мой. – Е.А.).

Как наука ориентализм имеет свои отрасли исследования. Н.И. Конрад предлагает делить востоковедение на практическое, занимающееся изучением «живых восточных языков», и теоретическое. И.С. Брагинский внутри ориентализма выделяет региональные отрасли: египтологию, ассириологию, семитологию, арабистику, африканистику и т.д. Кроме того, «для современного востоковедения характерна специализация основных ее областей – истории, экономики, литературоведения и языкознания, а также тенденция к дифференциации и вычленению отдельных областей, изучающих искусство, философию, религии стран Востока» [18, с. 43]. Исходя из сказанного, мы можем определить ориентализм как комплекс гуманитарных дисциплин, изучающих духовное развитие и материальную культуру стран Востока.

Бесспорно, это «детище Запада, т.е. тех стран, для которых существовал “Восток” как особый мир, противостоящий их собственному – миру “Запада”» [71, с. 9]. Именно такая «односторонность» ориентализма позволила другим исследователям толковать его не как академическую науку, а как систему мнений, часто субъективных, по проблеме «Восток-Запад». Часто в подобных трактовках фигурирует понятие дискурса, толкования Востока Западом. Например: «...западноевропейский дискурс, который <...> не только породил множество научных институций и дисциплин, не только способствовал росту интереса к восточным языкам, но и создал Восток как осознаваемую сущность и субъект истории» [161, с. 45].

Подобные толкования ориентализма берут свое начало в работе «Ориентализм» (1978) американца палестинского происхождения Э. Саида [221]. По мнению А. Васильева, «до появления книги Саида ориентализм рассматривался лишь как академические востоковедные исследования в старой европейской традиции. <...> Саид дал другое объяснение термину, определив его как идеологию превосходства Запада над Востоком» [22, с. 68].

Однако точка зрения профессора Э. Саида не столь однозначна и прямолинейна. Для ученого понятие «ориентализм» имеет несколько уровней. Первое и наиболее ясное назначение ориентализма – академическое: «Каждый, кто преподает востоковедческие дисциплины, пишет о Востоке или исследует его – будь то антрополог, социолог, историк или филолог, – есть ориенталист в частности или в общем, а то, чем он занимается, есть ориентализм»² [221, с. 2].

Второе толкование изображает ориентализм как особый стиль мышления, который опирается на онтологическое и эпистемологическое различие между «Востоком» и «Западом». В этом случае ориентализм служил основой для построения различных социальных и политических теорий о Востоке, материалом для написания беллетристических произведений о нем.

В третьем толковании под ориентализмом понимается особый институт для поддержания связей и деловых отношений с Востоком. В этом случае изучение Востока имело целью создание инструментов, с помощью которых Запад мог доминировать над Востоком, преобразовывать его и управлять им.

¹ Oriental studies is a composite area of scholarship comprising philology, linguistics, ethnography, and the interpretation of culture through the discovery, recovery, compilation, and translation of Oriental texts.

² Anyone who teaches, writes about, or researches the Orient – and this applies whether the person is an anthropologist, sociologist, historian, or philologist – either in its specific or its general aspects, is an Orientalist, and what he or she does is Orientalism.

Для Э. Саида главным во всех толкованиях является представление о том, что ориентализм – это способ, избранный европейцами, чтобы обозначить Восток, определить его культурологически и идеологически, опираясь на комплекс теории и практики, созданный многими поколениями. Ориентализм был нужен для того, чтобы оправдать покорение Востока, его завоевание и подчинение власти западного мира.

Нельзя не согласиться, что в XIX и особенно в начале XX в. ориентализм стал в большей степени политическим понятием, которое уточняло не только основное географическое различие между Востоком и Западом, но и выражало желание понять и даже контролировать, манипулировать Востоком.

Помимо перечисленных, существует также и культурологическое определение, согласно которому ориентализм – это направление в науке и искусстве XIX в., проявившее интерес к Востоку и создавшее моду на Восток и все восточное. Об этом в своей книге «Ориентализм и Турция» пишут исследователи С. Германер и З. Инанкур: «Ориентализм – это движение, оказывавшее мировое влияние в XIX в., первоначально в области науки, затем в литературе, театре, музыке, архитектуре и изящных искусствах»³ [189, с. 7].

Таким образом, ориентализм – это явление западной мысли, имеющее своим предметом Восток и все восточное и рассматривающее свой предмет с различных точек зрения. Он может проявляться в искусстве, литературе, науке, политике и других отраслях знания.

С самого своего зарождения ориентализм, имея перед собой «структурно иной мир», стремился изучить, понять и объяснить разницу между Востоком и Западом, решить эсхатологические задачи: «...конец XX века <...> побуждает многих всерьез заинтересоваться как экзистенциальными проблемами (что пробуждает активное внимание к мистике, а здесь бесспорный приоритет за древними культурами и религиями Востока), так и поисками корней, первоистоков» [23, с. 11].

В литературе ориентализм решал художественные задачи: «Изучение Востока – это взаимодействие с его культурой, литературой, с его исторической и современной жизнью» [60, с. 13]; «воссоздание мира человека <...>, его психологии, мышления, чувствования, передача нравов, обычаев, традиций, всего того, что составляет неповторимое своеобразие и аромат Востока» [60, с. 66].

Возникновение ориентализма произошло под влиянием нескольких факторов: а) активизация системного изучения фундаментальных восточных текстов, открытие новых памятников и древнейших языков; б) решение просвещенческой задачи приобщения примитивных восточных народов к западной цивилизации; в) включение колониальной проблематики в общественно-политический дискурс эпохи.

Чтобы появился западный взгляд на Восток, необходимо существование Запада и Востока. Подобная дихотомия берет свое начало в античной Греции, когда появилось деление на людей и варваров. Уже в античности Восток был местом романтики и экзотики. Различие между Востоком и Западом отчетливо прослеживается со времен «Илиады» Гомера, и наиболее ярко оно отражено в пьесах Эсхила («Персы») и Еврипида («Вакханки»). Здесь Запад предстает могущественным и ясным, а Восток – отдаленным, «чужим», угрожающим, полным тайн, и этот Восток нужно завоевать и прояснить.

Формально ориентализм начинает свое существование с 1312 г., когда Церковный Совет в Вене решил организовать ряд кафедр для преподавания восточных языков в университетах Парижа, Оксфорда, Болоньи, Авиньона и Саламанки. Знание языков считалось наилучшим средством для обращения восточных людей в христианскую веру. Следовательно,

³ Orientalism is a movement which influenced the world of the 19th century, first in the field of science and scholarship and then literature, theatre, music, architecture, and the fine arts.

в эпоху Средневековья ориентализм был связан с расширением христианского влияния на Восток.

В эпоху Возрождения наука продолжала развиваться как языкознание. «...до середины XVIII в. ориенталисты были учеными, изучающими Библию и семитские языки, специалистами по исламу или, благодаря тому, что иезуиты открыли для науки Китай, синологами»⁴ [221, с. 51].

Первая книга, подводившая итоги многовековому изучению Востока, — «*Gallia Orientalis*» — вышла в свет в 1665 г. И уже в XVII веке в работах исследователей ориенталистов (например, у географа Рафаэля дю Мана) ощущается чувство превосходства Запада над Востоком.

В XVII и начале XVIII в. были изданы также «*Historia Orientalis*» (1651) И. Готтингера, «Кембриджская история ислама», «История сарацин» (1708) С. Окли, но наиболее значительной в этом ряду работ была книга Б. д'Эрбело «Восточная библиотека» (1697). В своей работе Б. д'Эрбело не только пишет о монголах, турках, татарах, славянах, но и охватывает все провинции мусульманского мира от Среднего Востока до западного побережья Испании и Африки, описывая их историю, династии, традиции, ритуалы, дворцы, ландшафты.

Можно заметить, что ориенталисты до середины XVIII в. больше интересовались Ближним Востоком и Северной Африкой, т.е. ареалом распространения исламской религии и библейскими землями. Происходило это потому, что Палестина, а также арабо-мусульманские страны были ближайшими соседями Европы.

Век Просвещения внес в изучение Востока разногласия. Одни просветители (например, Ш. Монтескье) подвергали восточные порядки резкой критике, другие же склонялись к их восхвалению (Вольтер, Ф. Кенэ). На Востоке искали мудрость, противостоящую порядкам и нравам западной цивилизации. Но мир Востока все еще представлял в сказочном виде.

Подлинно научное знание началось во второй половине XVIII в., когда европейцами был открыт санскрит. Ориентализм этого времени связан с именами В. Джонса и Э. Лейна. Немалый толчок для развития научного востоковедения дала Египетская кампания Наполеона, в рамках которой проводились исследования наследия Древнего Египта.

В конце XVIII в. к Британии и Франции в изучении Востока присоединилась Германия. Одной из выдающихся фигур в немецкой ориенталистике был С. де Саси, специалист по исламу, арабской литературе и истории Персии эпохи Сасанидов, учитель Ж. — Ф. Шампольона и Ф. Боппа. Однако «немецкий» Восток, будучи предметом лирики и романов, не был столь актуален, как Египет и Сирия были актуальны для Ф. Шатобриана, А. де Ламартина или Б. Дизраэли. Это проявилось в том, что две наиболее известные немецкие работы о Востоке — «Западно-восточный диван» И. — В. Гете и «О языке и мудрости индийцев» Ф. Шлегеля были написаны соответственно благодаря путешествию по Рейну и часам, проведенным в парижских библиотеках.

В XIX в. ориентализм, включивший в сферу своего изучения Индию, Китай и Японию, стал бесценной сокровищницей знаний о Востоке. История ориентализма этого времени содержится в двух значительных работах — в книге Р. Шваба «Восточное возрождение», описывающей достижения востоковедения с 1765 по 1850 год, и в двухтомном журнале Ж. Моля «*Vingt-sept ans d'histoire des etudes orientales*», дающем сведения обо всем, что происходило в ориентальной науке между 1840 и 1867 гг.

В Европе XIX в. существовала настоящая «восточная» эпидемия. Это очень точно подметил В. Гюго: «В век Людовика XIV все были эллинистами, теперь все ориенталисты». «Этот интерес к Востоку поддерживался политическими и коммерческими устремлениями,

⁴ ...until the mid-eighteenth century Orientalists were Biblical scholars, students of the Semitic languages, Islamic specialists, or, because the Jesuits had opened up the new study of China, Sinologists.

научными и археологическими экспедициями, увеличением числа европейцев – путешественников по Востоку, <...> а также укреплением романтизма в литературе и живописи»⁵ [189, с. 7].

В первой половине века столицами востоковедения и «востокомании» стали Париж и Лондон. Ориентализм охватывал все – от редактирования и перевода текстов до нумизматики, от антропологии и археологии до экономики и социологии. Теперь ориенталист не был больше просто одаренным энтузиастом. Быть востоковедом значило обучаться в университете по востоковедческой дисциплине, путешествовать и публиковать под эгидой научного общества или фонда переводы с восточных языков.

В то же время, несмотря на подлинный и всеохватный интерес к Востоку, существовал и негативный взгляд на него. Этот взгляд провоцировался колониальной политикой европейских государств, рассматривавших Восток как пространство для завоевания. В это время осознание Востока трансформировалось из текстуального и созерцательного в административное, экономическое и даже военное.

Встает вопрос: где проходила граница между Востоком и Западом и какие территории включались в понятие географического Востока? Понятно, что для людей, живших на Западе, понятие «Восток» неизменно расширялось по мере развития географических познаний.

Первоначально Востоком называли персидские земли, лежащие за пределами малоазийских греческих колоний. С походами Александра Македонского граница Востока отодвинулась вплоть до Индии. Однако очень быстро она снова сместилась к Средиземному морю. Для христианства, пришедшего на смену язычеству, понятие «Восток» концентрировалось только вокруг Палестины, т.е. Святой библейской земли. Однако на Западе никогда не забывали о чудесной и богатой стране Индии, лежащей далеко на Востоке, и искали к ней пути. Следовательно, под Востоком первоначально понимали Палестину и Индию, но все внимание западного мира сосредоточивалось на непосредственном соседе – Ближнем Востоке, а поскольку Ближний Восток населяли арабы, то и все земли, принадлежавшие арабам, стали также восприниматься как Восток. Так в понятие «Восток» вошла Северная Африка. Позднее понятие «Восток» стало охватывать все земли Евразийского континента, лежащие вне пределов Европы: от Черного моря до Индийского и Тихого океанов. Однако неясным оставалось положение «Черного континента», т.е. Африки. Египет, Ливан, Марокко однозначно признавались восточными государствами. Если следовать принципу, по которому к Ближнему Востоку относятся страны, где общим языком является арабский, а основной религией – ислам, то непонятно, почему без внимания оставались арабские колонии в ЮгоВосточной Африке.

Современные география и история в понятие «культурного Востока», т.е. «Orient», также включают только Северную Африку. Так, И.С. Брагинский при определении понятия «востоковедение» замечает, что к Востоку относятся «страны Азии и частично Африки (преимущественно Северной)» [18, с. 43].

Крупный историк и востоковед Л.С. Васильев в предисловии к двухтомной «Истории Востока» пишет: «Под словом “Восток” имеются в виду <...> прежде всего страны Азии и Африки» [23, с. 25], уже не уточняя, какой именно Африки. Следуя за Л.С. Васильевым, мы также будем понимать под словом «Восток» Азию и Африку.

В разные эпохи Восток воспринимался по-разному: то негативно, то восторженно. Но он всегда виделся со стороны, отстраненно, поскольку это был западный взгляд на Восток и

⁵ This interest in the Orient was stimulated by political and commercial interests, by scientific and archeological expeditions, by the increasing number of European visitors making their way to the Orient <...> and by the growth of Romanticism in literature and painting.

его обитателей. Западный человек никогда полностью, за исключением, может быть, романтиков, не погружался в стихию Востока. Как пишет Э. Саид, «Восток <...> один из ее [Европы] глубочайших и повторяющихся образов Другого»⁶ (выделено мной. – Е.А.) [221, с. 1].

Схему классического противопоставления Востока и Запада предлагает Г. Чхартшвили. Согласно этой схеме, Восток представляет собой женское коллективное начало, опирающееся на дух и интуицию, знающее ответ на вопрос «зачем» и умеющее умирать. Запад, соответственно, характеризуется противоположными чертами (как мужское индивидуалистическое начало, с опорой на материю и рационализм, Запад знает ответ на вопрос «как» и умеет жить).

О «непохожести» Востока говорили начиная с античных времен. Так, в упоминавшихся пьесах Эсхила и Еврипида появляется мотив опасности, крадущейся с Востока на Запад. Рациональность Запада подрывается восточными излишествами и таинственностью, что ярко выражено в пьесе «Вакханки», где Дионис имеет явно азиатское происхождение.

Похожий мотив прослеживается и в книге Геральда Камбрийского «История и топография Ирландии» (1188-1196). По мнению автора, Запад мягок, умерен и чист, а «Восток – яркок, пестр, изобилен, но зловреден» [68].

Различными писателями, путешественниками, исследователями отмечались такие восточные черты, как чудеса, комфорт, чувственность, деспотизм, фатализм. Империалистической пропаганде служили также европейские предубеждения: Восток находится в состоянии упадка; женщины на Востоке зависимы; правовая система в странах Востока необъяснимо странна. Считалось, что Восток статичен во времени и пространстве, вечен, единообразен и не способен к самоопределению. Напротив, Запад рассматривался, как динамичная, способная к переменам, расширяющаяся культура. Подобная точка зрения оправдывала существующие отношения между Западом и Востоком – отношения власти, доминирования, гегемонии.

Кардинальное противопоставление затрагивало и характеристику западных и восточных людей. Европейец живет внешним, стремясь его изменить. Основополагающая идея для него и для всей западной цивилизации – идея прогресса. Восточный человек погружен в себя, для него важно целое; он живет не во времени, а в вечности.

Э. Саид еще больше обостряет это противопоставление. «Восточные люди, или арабы, изображаются доверчивыми, “лишенными энергии и инициативы”, предпочитают “грубую лесть”, интриганам, хитрецам и жестокими к животным <...>. Восточные люди – закоренелые лжецы; они “апатичны и подозрительны” и во всем противостоят ясности, прямоте и благородству англосаксонской расы»⁷ [221, с. 38-39]. Исходя из этого, западные люди по праву доминируют, а восточные должны быть подавляемы.

Этот постулат привел к появлению множества стереотипов, до сих пор влияющих на западного человека, когда он обращает свой взгляд на Восток. К бытующим стереотипам относятся, например, такие: «Горячие восточные люди не способны знать не только себя, но, более того, сложный западный дискурс, им не хватает холодности северного рассудка как для само-понимания, так и для понимания других» [5]; Восток стоит на более низкой ступени развития, чем Запад; Восток демоничен, и его следует бояться и контролировать.

Противники ориентализма считают, что Запад создал ложную картину Востока, совершенно далекую от истины. «Итак, Запад не имеет права судить жителей Востока по своим

⁶ The Orient is <...> one of its deepest and most recurring images of the Other.

⁷ Orientals or Arabs are thereafter shown to be gullible, “devoid of energy and initiative”, much given to “fulsome flattery”, intrigue, cunning, and unkindness to animals <...> Orientals are inveterate liars, they are “lethargic and suspicious”, and in everything oppose the clarity, directness, and nobility of the Anglo-Saxon race.

этическим стандартам, потому что он не может взглянуть на Восток с точки зрения последнего» [152].

Подобное негативное восприятие Востока характерно прежде всего для политической и социальной мысли. В культуре и искусстве (особенно в романтическом искусстве XIX в.) Восток представлял в ином, положительном свете. «Для европейского романтизма <...> Восток становился убежищем и святилищем. Он был доиндустриален, его культурные ценности оказывались проще и ближе природе»⁸, – писали С. Германер и З. Инанкур [189, с. 7]. Восток был некой утопией; для европейцев, уставших от быстрой индустриализации, он представлял и прошлое, и будущее, и Средние века. Со времен походов Наполеона Восток стал символизировать свободу и богатство.

Для искусства вообще Восток был закрытым театральным пространством, сценой, имевшей свой собственный культурный репертуар: Эдем, Троя, Содом и Гоморра, Вавилон, Ниневия, Сфинкс, Клеопатра, Астарта, Изиды и Осирис, царица Савская, Магомет; гении, волхвы, чудовища, демоны, герои; полувоображаемые, полуреальные места действия, ужасы, удовольствия, желания. «Европейское воображение активно питалось из этого репертуара: от Средних веков и до XVIII в. такие великие мастера, как Ариосто, Мильтон, Марлоу, Тассо, Шекспир, Сервантес, авторы “Песни о Роланде” и “Песни о моем Сиде” черпали многое для своих произведений из этого источника восточных богатств<...>»⁹ [221, с. 63].

На Востоке художественное воображение сразу сталкивалось с невообразимой древностью, неземной красотой, безграничными далями. Из географического места Восток превращался в топоним, в совокупность отсылок, скопление характеристик, рассыпанных в цитатах, фрагментах текста, в воображении.

Таким образом, ориентализм породил две противоположные характеристики Востока, принадлежавшие в равной степени колониальной политике и искусству. С точки зрения колониализма, Восток представлялся цивилизацией упадка и разложения, чьи жители не способны к развитию и самосовершенствованию; здесь господствовали жестокие нравы, жажда наслаждений и роскоши. Такой Восток было необходимо завоевать и привести в соответствие с европейской цивилизацией. С точки зрения искусства, Восток рисовался раем на земле, неоценимой сокровищницей мифов, образов, мотивов для литературы, музыки, живописи, архитектуры.

Ориентализм как политика, как наука, как искусство поддерживался империализмом и колониализмом. Обеспечивая средства, помогающие подчинить Восток, он оправдывал колониальные захваты. Цивилизованное общество, во многом находившееся под влиянием «востоковедной» (И.С. Брагинский [18], Н.И. Конрад [71]) доктрины, считало целью подобных захватов цивилизаторскую миссию. Положение о цивилизаторской миссии европейцев было центральной идеей колониальной философии XIX в., которая вся была основана на постулате абсолютного превосходства европейцев над азиатами. И многие сочинения ориенталистов способствовали распространению подобного убеждения. «...эти книги, – писал О.И. Сенковский, – большею частью, способствуют лишь распространению сбивчивых и ложных понятий о Востоке <...>. Многие из них пишутся явно с этой неблагородною целью» [122, с. 41].

Перед цивилизованной Европой XVIII-XIX вв. стояла задача узнать Восток, овладеть им, а затем переделать с помощью ученых, солдат, судей с целью получить средства для

⁸ For European Romanticism <...> the Orient appeared as a place of refuge and sanctuary. It was pre-industrial, its cultural values appeared to be simpler and closer to nature.

⁹ The European imagination was nourished extensively from this repertoire: between the Middle Ages and eighteenth century such major authors as Ariosto, Milton, Marlowe, Tasso, Shakespeare, Cervantes, and the authors of the *Chanson de Roland* and the *Poema del Cid* drew on the Orient's riches for their productions <...>

управления Востоком. Одним из таких средств было утверждение о неравенстве человеческих рас. «Обширная колониальная бюрократия занималась, особенно с 1860-х гг., классификацией людей и их особенностей, переписью, межеванием, этнографией, записью сделок, установлением заведенного порядка, стандартизацией практики»¹⁰ [207, с. 6].

О понятиях «империализм» и «колониализм» в их отношении к ориентализму легче всего говорить в терминах исторического и культурного развития Англии конца XIX – начала XX века, эпохи, прошедшей под знаком быстро растущей империи, над которой «никогда не заходит солнце».

Некоторые исследователи считают, что Англия в первые годы правления королевы Виктории (1837-1901) мало знала о своих колониях, а литература и журналистика ими не интересовались. Ситуация кардинально изменилась лишь к концу века, когда явственно обозначился новый всплеск повсеместного интереса к Востоку, поддерживаемого двумя факторами духовной и общественной жизни Великобритании. Во-первых, в конце 80-х – 90-х гг. XIX в. в Англии происходит утверждение идеалов империи и активизация колониальных притязаний английской короны. Во-вторых, это время было отмечено ростом образованности и изменившимся отношением к печатному слову. Расширялись старые и появлялись новые издательства, дешевые газеты и журналы стали доступны широким массам и превратились в эффективное средство воздействия на публику. Люди стали более осведомлены в государственных и общественных делах, и особое внимание было приковано к Индии и Африке. Если Индия к тому времени уже была достаточно освоена, то Африка еще оставалась таинственным, мистическим континентом. Богатые африканские земли обратили на себя внимание Франции и Германии, и развернулась борьба европейских властей «за последний незанятый кусочек Африки»¹¹ [Lehman E.; 170, с. 208].

По сути, империализм появился с захватом первых колоний. Уже тогда территориальная экспансия была направлена на укрепление власти и могущества Британского королевства. Но только в XIX в. империализм обрел свою идеологию и политику.

Нельзя сказать, что в Великобритании все безоговорочно поддерживали политику колониализма. Как это часто бывает, существовали две концепции. Концепция колониальной экспансии, главными выразителями которой стали премьер-министр Б. Дизраэли, министр колоний Дж. Чемберлен, премьер-министр Капской колонии С. Роддс, содержала идею о необходимости колониальных захватов; сторонники этой идеи пропагандировали службу в колониях, рассуждали о богатствах и безбедном существовании в новых землях. Главной целью подобной пропаганды было подвигнуть жителей метрополии переехать в колонии и завоевывать земли для обогащения империи. В противоположность данной концепции была выдвинута концепция «Малой Англии» (Г. Харкорт), в которой утверждалось, что англичане должны жить в своей родной стране и не стремиться отвоевать чужие земли у их исконных владельцев. Но поскольку правящая верхушка была за расширение Британской империи, то идея империализма стал господствующей.

В середине века появились еще две идеи, поддерживавшие и подпитывавшие империалистическую пропаганду. Это социал-дарвинизм и социал-империализм. Социал-дарвинизм, основанный на теории естественного отбора Ч. Дарвина, выработал концепцию «выживания сильнейшего», оправдывавшую колониальные захваты. Сторонники же социал-империализма «исходили из идеи, что захват новых колоний поможет решить социальные проблемы, даст возможность осуществить социальные реформы» [103, с. 3] внутри страны путем переселения части людей на новые земли.

¹⁰ A large colonial bureaucracy occupied itself, especially from the 1860s, with classifying people and their attributes, with censuses, surreys, and ethnographies, with recording transactions, marking space, establishing routines, and standardizing practices.

¹¹ das letzte unbesetzte Fleckchen Afrikas.

П. Брантлингер предлагает рассматривать империализм как целое, состоящее из нескольких элементов, вполне независимых друг от друга. «Как идеология империализм связывает вместе разнообразные элементы, которые более или менее согласовываются, хотя эти элементы могут также выступать отдельно или в различных комбинациях и с разной степенью интенсивности. Пропаганда вооруженной территориальной экспансии – один из таких элементов, без сомнения наиболее очевидный <...>. Другие элементы империалистической идеологии включают, прежде всего, шовинизм, основанный на верности существующей империи, как правящей нации, так и ее колониям»¹². Два других элемента империализма заключаются в «расовом превосходстве белых европейцев (и англичан над всеми европейцами)»¹³ и в вере в ««цивилизаторскую миссию» Британии, величайшей нации в истории»¹⁴ [174, с. 7-8].

Но цивилизаторская миссия могла рассматриваться по-разному. С одной стороны, существовало представление, что империя – не самоцель, а средство вывести «дикарей» к свету европейской цивилизации (У. Гладстон). Другие, вроде Д. Фруда или Д. Сили, считали, что «дикарей» можно сдерживать только грубой силой, что без патерналистского принуждения они не способны работать, погрязли в пьянстве и воровстве. ««Дикари», которые не обрабатывают землю и не разрабатывают ее ресурсы, часто рассматривались недостойными иметь на нее права, и задача приобщения их к «цивилизации» заключалась в обращении к христианству и «производительному труду» или «трудолюбию»»¹⁵ [174, с. 25]. Восстание сипаев и восстание на Ямайке «подтвердили для многих викторианцев, что «темные расы» обречены навсегда остаться темными, пока они не исчезнут с лица земли»¹⁶ [174, с. 38].

Подобные теории проповедовались в периодической печати и в художественной литературе, что позволяло имперскому патриотизму охватить все слои общества. Многие писатели не просто пропагандировали имперские взгляды, но и действовали во имя империи. В колониальных войнах участвовал капитан Ф. Марриэт. В Индии служили Т.Б. Маколей и Р. Киплинг, в колониальном правительстве Южной Африки – Г.Р. Хаггард. Ч. Лэм и Т. Лав Пикок сотрудничали в Ост-Индской компании. В конце века под английским флагом плавал Дж. Конрад. Другом Б. Дизраэли и его секретарем по колониальным делам был романист Э. Бульвер-Литтон.

Этот ряд можно продолжить, однако главное дело писателей, стоявших на службе у империи, состояло в том, чтобы превратить идеи колониализма и империализма в импульс к действию, в потребность действия для большой массы людей.

В то же время колониальный и имперский дискурс стал для беллетристики источником новых тем, образов и мотивов. П. Брантлингер в книге «Rule of Darkness. British Empire and Imperialism, 1830-1914» (1988) отмечает: «Возможно, империализм и не имел названия до 1870 года, но и безымянный он был больше, чем основой для литературы начала и середины Викторианской эпохи»¹⁷ [174, с. 24]. Подобной точки зрения придерживаются и неко-

¹² As an ideology, moreover, imperialism bundles together different elements that more or less cohere, though these elements may also appear separately or in varying combinations, and with varying degrees of intensity. Advocacy of territorial expansion by military force is one such element, no doubt the most obvious <...>. The other elements of imperialist ideology include, first and foremost, a chauvinism based on loyalty to the existing Empire, both to the ruling nation and to its colonies.

¹³ ...the racial superiority of white Europeans (and of the English over all other Europeans).

¹⁴ ...the “civilizing mission” of Britain, greatest nation in history.

¹⁵ “Savages” who did not “develop” the land and its resources were often viewed as having no right of possession, and the task of “civilizing” them <...> was defined in terms of their conversion both to Christianity and to “productive labour” or “industry”.

¹⁶ The Indian Mutiny and the Jamaica Rebellion proved to many Victorians that the “dark races” were destined to remain forever dark until they perished from the face of the earth.

¹⁷ Imperialism may not have had a name before 1870, but though nameless it did more than provide mere background in the writing of the early and mid-Victorians.

торые другие исследователи, например, Э. Саид («Ориентализм», 1978) и М. Грин («Dreams of Adventure, Deeds of Empire», 1979). По их мнению, империализм в общем сформировал всю культуру Европы и Америки XIX в.

Колониальные мотивы использовались как в реалистических произведениях, так и в модернистских, как в прозе, так и в поэзии, но более всего они были затребованы английским неоромантизмом, породившим жанр так называемого колониального романа. Естественно, одни писатели поддерживали английскую колониальную политику, другие выступали резко против нее. Особенно напряженная писательская и общественная дискуссия развернулась вокруг колонизации Африки, населенной «нецивилизованными дикарями».

В литературоведении до сих пор не определен исторический момент, с которого следует отсчитывать начало имперской проблематики в художественном творчестве. Бесспорно, что литература, оправдывавшая колониальные захваты, появилась вместе с их активизацией. «Одним из первых апологетов колониальных захватов, утверждавших превосходство англо-саксонской расы над цветным населением Африки и Америки, был философ, писатель и государственный деятель Англии Фрэнсис Бекон (1561-1626)» [167, с. 121]. М. Грин, упоминая «Бурю» У. Шекспира в качестве первого художественного произведения, в котором отразились имперские идеи, полноценный отсчет начинает с «Робинзона Крузо» Д. Дефо. Он аргументирует такой выбор следующим образом: «Есть свои причины, чтобы датировать подъем Британской империи концом XVII в., точнее 1707 годом – годом объединения Англии и Шотландии; она началась с того исторического момента, когда появились приключенческие книги, первая из них – «Робинзон Крузо» в 1719 г. Дефо был одним из английских правительственных агентов по укреплению этого союза. И Дефо – более подходящий, чем Шекспир, кандидат для первого выразителя империализма в литературе»¹⁸ [190, с. 5].

Противоположная тенденция появилась во второй половине XVII века. Первый английский роман – «Оруноко» А. Бен (1688) – явился в то же время и первым антиколониальным романом. Впоследствии против колониальной политики в своих произведениях выступали также Дж. Свифт, Р.Л. Стивенсон, О. Шрейнер, Э.Ч. Джонс, Б. Давидсон, Д. Стюарт, Д. Лессинг, Дж. Олдридж, Г. Грин и др.

Однако, как и в политике, имперская тема стала одной из доминирующих в литературе. Отголоски имперских мотивов (герои-колонизаторы, описание моды на интерьеры в восточном духе, черные слуги, рассуждения о колониальных делах и т.п.) мы можем найти как в книгах, посвященных «домашней» английской жизни (например, в романах Д. Остен, Ш. Бронте, Э. Гаскелл и др.), так и в произведениях, рассказывающих об открытии новых земель, их завоевании и жизни англичан в колониях.

Кроме того, имперская тема активно продуцировала утопические идеи. Так, в романе капитана Ф. Марриэта «Хозяин готов» (1841) несколько англичан, оказавшихся на пустынном острове в Южных морях, благодаря своему трудолюбию превращают место своего обитания в маленькую процветающую колонию.

В образцовом империалистическом рассказе «Остров Зари» Г. Мартино (1845) утверждает, что состояние, в котором находятся «дикари», – это вид коллективного суицида, и только белые, прибывшие на большом «каное без уключин» и принешие «Великое Откровение» цивилизации, спасают островитян. Где было варварство, там стала господствовать рациональность, где было детоубийство – создались счастливые семьи, место войны и лени заступили торговые отношения, а «Великое Откровение» заключалось в «честной» торговле.

¹⁸ There are reasons for dating the British empire's rise at the end of the seventeenth century, in fact at the Union of England with Scotland, in 1707; which is to say, at the very historical moment when the adventure tale began to be written, since *Robinson Crusoe* appeared in 1719. Defoe was one of the English government's agents in negotiating that union. And Defoe, rather than Shakespeare, is my candidate for the prototype of literary imperialism.

Подобные идеи процветали и в поэзии. В поэме «Видение Акбара» (1892) А. Теннисона рассказано о пророческом сне правителя империи Моголов, в котором он предвидит падение своей власти и приход британцев, несущих мир, справедливость и общественные реформы.

История художественной литературы 1830-1900 гг. показывает, что имперская тема стала господствующей к последней трети XIX в. Первой вехой на этом пути стала активизация литературы путешествий, которая была призвана искоренить недостаточное знание Африки викторианцами. Так, в 1877 г. в английских газетах стали появляться письма о Южной Африке Э. Тrollope, а в 1878 г. была издана его двухтомная книга «Южная Африка», снабженная географической картой и «особо интересным» приложением – планом и оценкой запасов копей в Кимберли. Книга содержала сведения об истории африканских колоний, об их политическом управлении, о положении так называемых «туземных территорий» («native territories»). Текст представлял собой смесь исторического повествования, путевых записок и социо-политического трактата. Благодаря точности сведений произведение Э. Тrollope стало ценным источником информации о состоянии дел в африканских колониях и открыло дорогу другим подобным произведениям.

Следующим этапом стало завоевание широкой читательской аудитории жанром империалистического приключенческого романа для подростков и взрослых. Следует сказать, что литература для юношества – особая глава в развитии английской словесности. Ее основной задачей было воспитать будущих солдат империи в духе захватнической политики и превосходства англосаксов. Подобные романы писали У. Кингстон («От шалуна до адмирала», 1883) и Д. Хенти («Святой Георг в Англии», 1885, «С Буллером в Наталь», 1901, «С Робертами в Преторию», 1915 и др.). Д. Хенти в предисловии к одному из своих многочисленных романов сформулировал морально-воспитательное кредо империалистической литературы для юношества: «Храбрость предков создала величайшую империю в мире. Если она будет потеряна, то из-за трусости их наследников» [15, с. 167].

Идеи джингоизма и социал-дарвинизма, расширения влияния Великобритании в странах Азии и Африки, возможности превращения дикарей в англичан по внешнему облику и духу отражены в произведениях Б. Дизраэли («Конингсби», 1844), А. Конан Дойла, Р. Киплинга, сформулировавшего идею мистического «бремени белого человека». Так, в романе Д. Бьюкэна («Prester John», 1910) белый герой проповедует равенство рас, чтобы обмануть восставшего вождя аборигенов Лапуту.

Некоторых писателей можно назвать «литературными провожатыми империи»: они описывали великолепную природу колоний, плодородные земли, богатство недр, возбуждая желание овладеть этими сокровищами. Среди них отметим Р. Баллантайна («Коралловый остров», 1857, «Охотники на горилл», 1862, «Черная кость», 1873) и Г.Р. Хаггарда (цикл «африканских» романов), в целом не возражавших против колониальной системы, но осуждавших ее методы.

Таким образом, несмотря на существование противников колониальной системы империализма, Британия XIX в. избрала империализм своей ведущей идеологией, что наглядно отразилось и в литературе этого периода.

Изучив историю понятия «ориентализм» и его отражение в научной, общественной и литературной мысли, мы приходим к следующему выводу: зародившись как филология и герменевтика, ориентализм, пройдя стадию чисто географических и культурных представлений и стадию академической науки, перерос в концепцию, влиявшую на политику крупнейших европейских держав. В таком качестве ориентализм, породив комплекс негативных стереотипов о Востоке, стал опорой колониальных идей. В процессе эволюции ориентализм в круг своих интересов постепенно включал все новые восточные страны, захватив таким образом Северную Африку как землю, населенную народами, говорящими на араб-

ском языке. Впоследствии понятие «Восток» (Orient) распространилось на весь африканский континент, породив внутри ориентализма особую дисциплину – африканизм.

В художественном творчестве ориентализм первоначально распространял положительный образ Востока, но с превращением колониализма в конце XIX в. в основную политическую доктрину литература (литература путешествий, литература для юношества, утопическая литература) стала отражать ориентальные образы в их преломлении сквозь призму колониальных (цивилизаторских, этноцентристских) идей.

1.2 Развитие ориентальных мотивов в английской литературе от истоков до конца XIX века

Следует признать, что наряду с политикой и культурой ориентализм оставил заметный след и в литературе. Как пишет Г. Чхартишвили, «отличительная черта ориентализма как литературного направления и художественного приема – любовь к Востоку *издалека*, часто любовь к Востоку вымышленному, идеализированному. Она предстает как метафора, как зеркало, с помощью которого Запад пытается разглядеть дефекты и несимпатичности собственной физиономии. Не раз Восток служил для западной литературы аргументом, доказывающим *неправильность* Запада. При этом сохранялась эмоциональная дистанция, отчужденность, даже если автор искренне симпатизировал Востоку и неплохо его знал» [159, с. 255].

Можно согласиться, что писатели-ориенталисты всегда были людьми оксидентальными, т.е. западными, и их ориентализм – свойство приобретенное, а не врожденное. Даже те литераторы, которые родились или провели детство в восточном окружении (например, А. Бен или Р. Киплинг), создавали свои произведения как люди западные, хотя и с глубоким сочувствием к людям восточным.

Ориентализм, повторим еще раз, сам по себе предполагает наличие западного мышления, западной точки зрения, пусть и выраженной имплицитно. «...нет ведь стран или людей экзотических самих по себе, а есть только наше восприятие иноземного и непонятного» [157, с. 77].

И если европейский писатель сживется с Востоком настолько, что перестанет замечать его экзотику, к чему призывает художник А.С. Чуйков, то он сможет создать реалистическое, но отнюдь не ориенталистское произведение. В таком произведении не будет главного – западного взгляда на Восток. Основное правило, которым должен руководствоваться писатель, обратившийся к восточной теме, сформулировал еще А.С. Пушкин: «Европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца <...>» [111, с. 129].

Здесь необходимо отметить, что мы различаем понятия «ориентальный» и «ориенталистский» по отношению к художественному произведению, и данное различие принципиально важно для настоящего исследования. Под «ориентальным» произведением подразумеваются, с одной стороны, тексты о Востоке, созданные восточными авторами, с другой, произведения авторов-европейцев, перенимающие стиль форму, тематику и идейное содержание восточной литературы. Говоря об «ориенталистских» художественных текстах, мы имеем в виду произведения о Востоке, созданные западным писателем и сохраняющие на себе печать западного мышления и идеологии. В данном случае стиль, форма и тематика могут быть также заимствованы из восточной литературы, но идейное наполнение остается оксидентальным (западным). Понятие «восточный» не отражает указанное различие и используется в качестве синонима слова «ориентальный».

Для понятия «мотив» данное различие также значимо. Под «ориентальными» (восточными) мотивами мы понимаем мотивы, заимствованные из восточной литературы и прижившиеся в европейском художественном сознании. Понятие «ориенталистские мотивы» можно применять к литературе, в которой появилась колониальная тематика. Это мотивы, выражающие специфику взаимодействия западной и восточной цивилизаций, их культурное различие или восприятие западным человеком природы и быта Востока.

К середине XIX в. ориенталистские произведения вытеснили из европейской литературы произведения ориентальные. Причина этому кроется в изменившихся взглядах на Восток, что было показано выше.

Вообще проблема эволюции ориентальных мотивов в литературе Западной Европы значима не только тем, что образ Востока с его неизменными «экзотическими» атрибутами составил весомую часть литературного наследия западной цивилизации. Современная наука убедительно доказывает, что «колыбелью мировой литературы была древневосточная, особенно шумерская, литература» [99, с. 11].

Литературоведческая наука не решила вопрос, с какого периода в истории английской культуры следует вести отсчет интересу к восточной тематике. Но бесспорным является тот факт, что на протяжении XVIII-XIX вв. ориентализм стал неотъемлемой частью английской литературы. Конечно, восточные мотивы не всегда занимали одинаковое по значимости место в литературе Великобритании. Можно отметить три периода особой активизации темы Востока: эпоха Просвещения, романтизм и последняя четверть XIX в.

Появившись, тема Востока никогда не уходила бесследно из английской литературы, ее поддерживал мощный политический фактор – колониальные захваты Великобритании. К началу XX в. Британская империя большей частью состояла из восточных владений. В связи с этим понятен огромный интерес к Востоку у английских писателей XIX в. Однако традиции обращения к восточной тематике уходят корнями в более ранние века.

И.В. Вершинин и М.Б. Ладыгин [27] в статье «Эстетический идеал и проблема ориентализма в английской литературе XVIII в.» приводят следующие точки зрения зарубежных и русских исследователей на вопрос о времени возникновения интереса к Востоку.

По мнению Л. Мелвилла, первыми в Англии ориентальную форму применили писатели и журналисты С. Джонсон и Дж. Аддисон. К XVIII в. относит появление интереса к Востоку и Е.И. Клименко: «Интерес к Востоку возник в английской литературе, начиная с перевода на английский язык “Арабских сказок” в 1704 году, а семнадцать лет спустя “Персидских писем” Ш. Монтескье. К концу XVIII в. этот интерес заметно усилился. Восток увлекал англичан фантастикой своих легенд и богатством материалов для роскошных мизансцен» [67, с. 41]. Как важный этап в развитии интереса к Востоку в английской литературе перевод «Арабских ночей» рассматривает и В. Кросс, но добавляет, что этот перевод лишь усилил восточную тематику, уже существовавшую в английской литературе. С этими учеными согласна А.А. Елистратова: «Интерес к Востоку зародился в Англии уже с XVIII в. В 1704-1717 гг. в Англии вышел первый перевод, с французского издания Галлана, знаменитых арабских сказок “Тысяча и одна ночь”. За ним последовал целый поток то переводных, то – чаще всего – подражательных “турецких”, “персидских”, “китайских”, “монгольских”, “татарских” и даже “перувианских” сказок» [55, с. 604].

Есть и другая точка зрения. И.М. Катарский в статье «Восточные мотивы в английской литературе XIX в.» упоминает пьесы «Антоний и Клеопатра» У. Шекспира и «Тамерлан Великий» К. Марлоу. «Но еще до появления этих трагедий некоторые азиатские страны в полусказочном виде были предметом английской словесности (например, англо-саксонский перевод XI в. рыцарского романа об Александре Македонском – “О чудесах Востока”» [65, с. 95]. Но И.В. Вершинин и М.Б. Ладыгин считают, что «подобная точка зрения грешит искусственностью. Элементы восточной экзотики действительно проникали в европейскую литературу на разных стадиях ее развития (такие элементы встречались и в античном романе). Но собственно обращение к восточной культуре, первые попытки отразить эту культуру относятся к более позднему времени» [27, с. 17].

Нельзя спорить с тем фактом, что восточные образы и мотивы появились в английской литературе еще в Средневековье. «Реальный» Восток был «занесен» в Западную Европу во время крестовых походов, и основное ядро восточных мотивов в европейской словесности составляли арабо-персидские мотивы.

Как пишет И.С. Брагинский в книге «Двенадцать миниатюр», «уже с XI в. прелесть поэзии на фарси начинает вдохновлять и обогащать литературы христианского Востока –

Грузии и Армении». Примером может служить творчество великого средневекового поэта Грузии Шота Руставели. «Генуэзские связи с Востоком, – продолжает И.С. Брагинский, – доносят отзвуки иранской музыки в Европу, и мы ощущаем их в гениальных трехстишиях Данте» [16, с. 297]. В первой части дантовской «Божественной комедии» встречаются имена исламских культурных деятелей. Так, в девятом рве восьмого круга казнятся Магомет и его зять Али. Ученые Аверроэс и Авиценна, а также султан Саладин помещены Данте в первый круг Ада.

«До XV в., еще во времена крестовых походов, по дорогам войны, а затем и по караванным торговым путям проникают образы иранской поэзии на запад и север, например, предположительно, как прототипы Тристана и Изольды и, наверняка, – Еруслана Лазаревича. С XVI в. иранская поэзия все больше проникает в западные литературы с помощью переводов на универсальный язык Запада – латынь» [16, с. 298].

Восточные отголоски мы находим в «Песне о Роланде» и в «Песне о моем Сиде» (битва с сарацинами и маврами), в рыцарском романе. «...ориентальная струя явственно проследживается в средневековой поэзии Европы. В аллегорическом “Романе о Розе”, также как в лирике немецких миннезингеров, совсем по-восточному перекликаются Роза и Соловей. Восточная образность и символика обнаруживаются и в любовных песнях вагантов, и в так называемом “новом сладостном стиле” итальянской лирики» [61, с. 20].

Фольклорные произведения Средневековья характеризуют Восток поразному: «тирания и деспотизм, захватническая политика восточных империй – с одной стороны, а с другой – своеобразная и богатая культура, красочная и экзотическая природа, народная мудрость и невозмутимый душевный мир простого труженика <...>» [99, с. 12].

Литература Возрождения в лице Дж. Чосера (ок. 1343-1400), К. Марлоу (1564-1593), У. Шекспира (1564-1616), Д. Мильтона (1608-1674), А. Бен (1640-1689) также широко разрабатывала мотивы, сюжеты и образы восточной литературы, фольклора, философии и религии. До XVII в. восточные мотивы имели полусказочный, полуфантастический характер. Английские писатели использовали их с различными целями.

Во-первых, ориентальные темы и образы могли входить непосредственно в художественную структуру произведения для создания восточного колорита, обрисовки «восточных» персонажей. Во-вторых, писатели могли использовать структуру восточных сказок, легенд и повестей, например, излюбленную арабскими и индийскими писателями рамочную конструкцию (Дж. Чосер «Кентерберийские рассказы», 1380-е; подобным образом построены книги Дж. Боккаччо «Декамерон», 1350-1353, и Маргариты Наваррской «Гептамерон», 1558), как и восточную стилистику (пышный, витиеватый, цветистый слог). И, в-третьих, восточная тематика могла быть использована как внешняя оболочка для передачи некоего актуального «западного» содержания. Одним из первых к этому обратился английский драматург, младший современник Шекспира Ф. Мэссинджер (1583-1640). Его трагедия «Верьте, если хотите» (1631), содержащая, по словам А.А. Елистратовой, «опасные суждения по части англо-испанских отношений» [55, с. 129], была запрещена и получила разрешение к постановке только после того, как автор переложил ее на «азиатские» нравы.

Эпоха Возрождения положила начало колониализму, породившему свою апологетическую литературу. А в противовес ей один из столпов французского Ренессанса М. Монтень (1533-1592) выдвинул идею «благородного дикаря».

«С конца XVI – начала XVII в. в европейской литературе сформировалось филоориенталистское течение. Писатели рисуют благородных индийцев, сиамцев, благоразумных турок, арабов, абиссинцев, используя их воображаемый нравственный облик для гуманистической проповеди. <...> Но изображаемые в романах того времени восточные персонажи обычно были восточными лишь по внешнему облику и одежде. Автор вкладывал в уста

героев свои мысли, чаще всего мысли передового западного человека, критикующего феодальный режим» [16, с. 298-299].

Раннее Просвещение продолжило использовать ориентальные мотивы в качестве оболочки, но наполнило ее своим содержанием. Восточные элементы придавали экзотический колорит философско-аллегорическим притчам и повестям «универсального» типа, иллюстрировали определенные философские теории и категории, служили как средство сатирической «маскировки» политических идей, расходящихся с господствующими. Такова, например, Япония в третьей части «Путешествий Лемюэля Гулливера» Дж. Свифта (1726).

Вслед за сборником «Арабские сказки» (1704-1711), представлявшим собой переложение одной четверти подлинника с добавлением других персидских и турецких новелл и сказок, появились переводы Пети де ля Круа «История персидской султанши и ее визирей. Турецкие сказки» и «Тысяча и один день. Персидские сказки». Переводились философские и литературно-художественные памятники народов Востока: поэзия Фирдоуси, Низами, Хайяма, Хафиза, «Шакунтала» Калидасы.

Уже в эпоху классицизма стали издаваться первые востоковедческие научные работы, восточные энциклопедии. Все это не могло не отразиться на литературном творчестве европейских, в том числе английских, писателей.

Английские просветители охотно использовали увлечение восточной «экзотикой» в своих целях. Дж. Аддисон, Р. Стиль, а за ними С. Джонсон, О. Голдсмит и другие обращаются к жанру «восточной повести». В пятидесятом номере журнала «Зритель» (1712) Р. Стиль (1672-1729) печатает забавные отрывки из воображаемого дневника индийских царей, путешествующих по Англии; а его аллегорическое «Видение Мирзы» – прообраз философской повести. В 1713 г. в журнале «Опекун» появляется «Сантон Барсиса», эссе Дж. Аддисона (1672-1719), в просветительской манере повествующее о падении и преступлениях магометанского отшельника.

После перевода «Персидских писем» Ш. Монтескье у английских просветителей появился образец формы, наиболее соответствующий просветительскому взгляду на мир. «С одной стороны, восточные мотивы для Монтескье – своего рода камуфляж, наводящий на ложный след королевскую и церковную цензуру <...>. С другой стороны, в “Персидских письмах”, а в еще большей степени – в философских повестях Вольтера просветительские философские жанры используют восточную тему как средство “остранения” философской идеи» [94, с. 89-90].

Книга Ш. Монтескье вызвала множество подражаний, например, «Письма перса из Англии к друзьям в Исфагани» (1735) Дж. Литтлтона, анонимные «Письма армянина из Ирландии к друзьям в Трапезунде» (1757), «Письмо Ксо-Хо, китайского философа в Лондоне, к своему другу Лянь Чи в Пекин» (1775) Г. Уолпола.

В 1759 г. читатели знакомятся с повестью С. Джонсона (1709-1784) «Расселас, принц абиссинский». Этой повестью завершается целый цикл эссе Джонсона («Гамет и Рашид», «Купец Нирэдин», «Сегеда, властитель Эфиопии, и его стремление к счастью» и др.), в которых решались общепросветительские проблемы на материале «восточных повестей». «Расселас» раскрывает идею суетности человеческих желаний: принц Расселас отправляется из «Счастливой долины» странствовать по свету в поисках смысла жизни и пути к счастью, но снова возвращается к покою и бездействию родной долины.

В 1760-1762 гг. выходит книга О. Голдсмита (?1730-1774) «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке», где английская жизнь показывается глазами жителя Востока, свободного от иллюзий европейцев. Философ Лиен Чи, объездивший много стран, постиг относительность всех обычаев, и ему смешны безрассудство, невежество и порок в Англии. Книга содержит китайские истории, притчи и сказки, в которых также высмеивается английская жизнь.

В форме условно-экзотических мемуаров написана книга Т. Смоллетта (1721-1771) «История и приключения атома» (1769), где под видом «японских» порядков писатель жестоко высмеивает английскую политическую жизнь.

Английские поэты уделяли Востоку значительно меньше внимания, чем прозаики. В самом начале XVIII в. к восточной тематике обращались такие поэты, как У. Кинг (1663-1712) («Индийская ода»), И. Уоттс (1674-1748) («Индийский философ»), У. Сомервиль (1675-1742) («Магомет Али Бег, верный министр»). Значительной вехой в английской ориенталистской поэзии стали «Персидские эклоги» (1742) У. Коллинза (1721-1759), в предисловии к которым сообщается, что истинным автором поэтических текстов является некий Абдалах из Тауриса и что в руки Коллинза они попали от одного персидского купца. Восточная тематика в четырех эклогах выполняет условно-декоративную функцию. Первая эклога «Селим, или Пастушья мораль» представляет собой назидание девушкам о добродетелях, без которых невозможна любовь, и есть лишь единственное указание на Восток – действие происходит в долине под Багдадом. Во второй эклоге «Хасан, или Погонщик верблюдов» описание опасностей перехода через пустыню нужно автору для дидактических рассуждений о преимуществе бедности перед богатством и тщеславием. Третья эклога «Абра, или Грузинская султанша» рассказывает о том, как добродетельная пастушка становится женой всемогущего султана Аббы.

Действие эклоги «Ажиб и Секандер, или Беглецы» происходит на фоне лишенных конкретности кавказских гор, а пастухи в эклоге рассуждают как англичане.

Все вышеперечисленные произведения точнее будет назвать не ориентальными, а псевдоориентальными, так как собственно Восток занимает в них очень мало места. Эти произведения – яркие образцы просветительской литературы. Развивая идею «естественного человека», писатели и философы ищут свой идеал не только на арабском Востоке, но и среди «дикарей», живущих по своей первобытной морали и не ведающих пороков и соблазнов цивилизации, и здесь просветители вступают в спор с официальной церковью, тоже обратившей взгляд на «детей природы».

Французский исследователь М. Дюше пишет: «...миссионеры выдумывают “добрых дикарей”, расхваливая их добродетели и трогательную простоту, так отличающуюся от безобразной развращенности европейцев. <...> И наоборот, гуманисты и свободолюбцы видят в этих народах, живущих в неведении и счастье, без законов, без священников, без “твоего и моего”, доказательство превосходства естественной морали, основанной на инстинктах и разуме. <...> Но в основном волнует умы не их реальное существование, а их мифическая, выдуманная жизнь, в которой мечтания о первобытном Эдеме и Золотом веке облекаются в плоть и кровь» [47, с. 254-255].

«...Европа как бы заново открывает для себя Восток, и не только как нечто экзотическое, но и как мир большой и своеобразной духовной культуры, у которой есть чему поучиться» [99, с. 13]. У африканских дикарей учились простоте нравов, у азиатов – созерцательности, философскому отношению к жизни. Но образ восточного человека в произведениях просветителей был двойствен: с одной стороны, он был носителем разума и мудрости (Задиг у Вольтера или Лиен Чи у О. Голдсмита), с другой – тираном и насильником (Магомет Вольтера или Сантон Барсиса Дж. Аддисона).

Восточные образы продолжают выступать в качестве декорации, оставаясь одним из приемов эстетики Просвещения, преследующим сатирические или аллегорические цели. Из всех восточных тем и мотивов берутся лишь те, что необходимы для подтверждения или отрицания определенного философского положения, что приводило к сознательной идеализации Востока.

И.В. Вершинин и М.Б. Ладыгин предлагают разделить ориентальные произведения с восточной тематикой, созданные в XVIII в., на четыре группы. Первая – переводы ори-

гинальных восточных произведений. Вторая – переводные ориенталистские произведения, особенно французских просветителей. Третья – собственно английские произведения с ориентальной тематикой, для которых характерно формальное использование восточной атрибутики. Четвертая группа охватывает предромантические произведения.

В конце XVIII в., в эпоху предромантизма, начинается собственно эстетическое освоение Востока, его культуры и литературы. Именно в это время закрепился канонический комплекс восточных мотивов, который оформлялся в творчестве Дж. Чосера, Д. Мандевилля (XVI в.), У. Шекспира, Д. Драйдена (1631-1700), А. Поупа (1688-1744) и нашел свое великолепное выражение в произведениях Дж. Г. Байрона. «В Европе можно было говорить о восточной личности, восточной атмосфере, восточной сказке, восточном деспотизме, восточном способе производства и быть понятым»¹⁹ [221, с. 31-32]. Обращение предромантиков к Востоку объясняется их стремлением ко всему чудесному, таинственному, необычайному, стремлением выйти за рамки действительности.

В 1786 г. была создана повесть английского писателя-предромантика У. Бекфорда (1759-1844) «Ватек», где действие разворачивается на Востоке, где есть «восточные» герои и атрибутика восточной жизни. И.В. Вершинин назвал это произведение «вершиной и, пожалуй, единственным образцом подлинно ориентального произведения в английской литературе XVIII в.» [26, с. 97].

Исследователи (Д. Варма [229], М. Конант [180], Д. Тимбс [227]) постоянно подчеркивают своеобразие повести «Ватек» и ее совершенно особое место в английской литературе. Хотя произведение сохраняет известную связь с просветительским литературно-философским жанром, она, несомненно, новый шаг в развитии ориентальной поэтики. И.М. Катарский [65] считает, что восточная атмосфера «Ватека» служит для выражения изменившегося взгляда на мир, на человека, вставшего в тупик перед загадками бытия, которые остались недоступными рационалистской логике просветителей. Для Бекфорда восточная атрибутика ценна сама по себе, а не как художественный прием. «Бекфорд стремился создать истинно восточный колорит, приобщить читателя к культуре Востока, а не накинуть ориентальный покров на современную ему Англию <...>» [27, с. 24]. Тщательно, с наслаждением и истинным мастерством писатель прорисовывает все экзотические детали восточного быта и нравов, тонко и последовательно стилизует повесть в духе любимых им арабских сказок, что было отмечено В. Жирмунским и Н. Сигал: «Знание арабских первоисточников позволило Бекфорду воссоздать [фантастический, сказочный] мир как бы изнутри; на фоне идеализированного быта арабских сказок он широко использовал мусульманскую мифологию, легенды и народные суеверия, с которыми ознакомил его английский перевод Корана и словарь д#Эрбело, послуживший основой его научной осведомленности» [53, с. 281]. Например, описание мудрости и роскоши «девятого халифа из рода Абассидов», «сына Мотассема и внука Гарун-аль-Рашида» ничуть не уступает описаниям в сказках «Тысячи и одной ночи»: «Были взяты все чудные ткани Масулипатана, и, чтобы приукрасить Бабабалука и других черных евнухов, потребовалось столько муслина, что во всем вавилонском Ираке не осталось его ни единого локтя» [10, с. 42]. У. Бекфорду также удалось передать особый слог восточной речи.

Но было бы ошибочно видеть в повести только внешнюю декоративность и причудливость формы, расценивать ее как фантастическую арабеску, затейливую и изящную, но без всякого серьезного философского наполнения. В замысле повести «Ватек» скрыт философский подтекст, сходный с философской концепцией повести «Расселас» С. Джонсона.

Значение этого произведения для последующей английской литературы трудно переоценить. Как пишет А. Геласимов, «Бекфорду удалось сконцентрировать в своей книге такой

¹⁹ One could speak in Europe of an Oriental personality, an Oriental atmosphere, an Oriental tale, Oriental despotism, or an Oriental mode of production, and be understood.

объем совершенно нового для европейской литературы образного материала, что “Ватек” на долгое время стал источником конкретной образности для многих английских литераторов» [34, с. 71-72].

Завершая разговор о литературе XVIII в., следует отметить, что к концу века наметились те особенности в трактовке образа Востока, которые в дальнейшем найдут свое развитие в романтической литературе. Во-первых, неразрывная внутренняя связь человека и природы. Во-вторых, стремление к созданию атмосферы таинственного, необычного, фантастического. И в-третьих, художественное освоение ориентальных мотивов повлекло за собой изменение жанровой структуры произведений. «Принципиально новое осмысление ориентальной темы в свете предромантического идеала, когда она из некоего фона стала нести собственно эстетическую нагрузку, оказавшись конечным (а не промежуточным, как то было у просветителей) объектом художественного осмысления, повлекло разрушение старой формы, которая была уже не адекватна новому содержанию» [27, с. 34-35].

Вторую волну интереса к странам Востока Европа пережила в эпоху романтизма. По отношению к английской литературе это можно объяснить историческими факторами. Британия постепенно вытесняла Испанию, Португалию и Голландию из их колониальных владений в Африке и Ост-Индии; английские купцы активно осваивали богатства Индии, а затем и Китая; Англия вела дипломатические интриги и на Ближнем Востоке. В XVIII в. возникает своеобразная мода на путешествия в Азию. В начале XIX в. газеты и журналы очень редко не печатали отзывы и записки путешественников на Восток. Помимо этого, обращение к экзотике Востока позволяло писателям насыщать поэзию и прозу эротикой.

Поначалу романтики осваивали Восток через книжную традицию и памятники культуры. В этом им помогали в первую очередь труды В. Джонса (1746-1794), знатока истории и культуры Ближнего и Среднего Востока. Одна из его первых работ – перевод иранской рукописи «Жизнь Надир-шаха, царя персидского» (1768). Переводу был предпослан трактат «Описание Азии», а заключительная часть книги содержала «Эссе о жизни восточных народов» и очерк истории персидского языка, где в подстрочном переводе даны примеры из поэзии Фирдоуси и Хафиза. Джонс полагал, что «усвоение великих культурных ценностей восточной поэзии волеет свежие силы в уже исчерпавшую себя европейскую литературу» [65, с. 98]. Ему принадлежат переводы сборника «Муаллакат», «Шакунталы» Калидасы, «Хитопадешы».

Благодаря усилиям В. Джонса появляются труды и сборники, специально посвященные исследованию культуры, языка и быта восточных народов: «Азиатское обозрение», «Азиатский альманах», «Восточные коллекции», «Персидский альманах» и другие. Большой вклад в английскую ориенталистику внесли работы по изучению санскрита Г.Т. Коулбрука и Ф.М. Мюллера, перевод и комментарии к Корану Д. Сейла, персидско-арабско-английский словарь Д. Ричардсона, «Индийские древности» Т. Мориса.

В 1788-1789 гг. на английском языке появилось продолжение «Арабских ночей», переведенное с французского издания писателя Ж. Казота и сирийского священника Д.Д. Шависа. В XIX в. делаются переводы, откорректированные и дополненные по арабскому оригиналу. Сказки «Тысячи и одной ночи» с их неповторимым, причудливым образом Востока не оставили равнодушными английских писателей. Дж. Г. Байрон прочел «Тысячу и одну ночь» в десятилетнем возрасте, этот сборник знали и читали В. Скотт и У. Вордсворт. А. Теннисону они навеяли стихотворение «Воспоминание о “Тысяче и одной ночи”».

Большую популярность обрел Коран, ссылки на который есть в примечаниях Дж. Г. Байрона к «Гяуру» и «Абидосской невесте», в поэме Т. Мура «Лалла Рук». Из переводов и переложений индийской литературы, помимо вышеупомянутых, следует отметить перевод поэмы Джаядевы «Гитаговинда» (В. Джонс), неполный текст персидской версии древнеиндийской книги «Рассказы попугая», «Ригведу» (Ф.М. Мюллер), сборник индийской поэзии

и идиллии из «Махабхараты» (Э. Арнольд). Однако наибольшее количество переводов было сделано с фарси, например, «Бехар и Данеш, или Весна знания» Иноятулаха (Дж. Скотт), сборник обрамленных повестей «Четыре дервиша» Дихлеви (А. Доу). Большой популярностью пользовались персидские поэты X-XIV вв. Фирдоуси, Саади и Хафиз. Под влиянием Хафиза поэт Лендор создал «Стихи с арабского и персидского» (1800), долгое время мистифицируя, будто они написаны неким бедуином.

Не так широко были представлены литературы Дальнего Востока. Издавались лишь переводы отдельных китайских драм, например, трагедии Ма Чжи-юаня «Печаль в Ханьском дворце» (XIII в.), или китайского бытового романа XVII в. «Счастливый брак».

Почву для романтического освоения Востока подготовили И.Г. Гердер (1744-1803) и И. – В. Гете (1749-1832). И.Г. Гердер обобщил то, что было передового в восточной культуре и представляло идейно-эстетическую ценность для Запада, и в своих философских статьях, в сборнике «Голоса народов в песнях» он посеял первые семена западно-восточного синтеза. Творческое соединение двух культур – Востока и Запада – произошло в блестящем поэтическом наследии И. – В. Гете («Западно-восточный диван», 1819), достижениями которого воспользовались европейские романтики.

Интерес к Востоку у писателей-романтиков закономерен. Для романтизма было характерно обращение к национальным культурам, к поиску специфических черт национального характера, к языку и фольклору народа как выражению общественных идеалов. Типичное для писателей романтического направления бегство от пошлой действительности в экзотическую страну отразилось и в созданном ими образе восточного мира. Иногда это было любованием экзотическими красками Востока, поиском «национальной и психологической характеристики, местного колорита, “роскошных мизансцен”» [94, с. 90]. Романтизм открыл Восток «во всей его живописности, красочности и “сладостности”, как некий источник новых мотивов, новых ритмов, неведомого доселе колорита – иными словами, источник новых эстетических переживаний» [120, с. 144]. «...привлекала экзотика, обостренная романтика чувств будила воображение, порождала фантастику, сказочность литературных образов» [30, с. 74]. Такое отношение к Востоку мы находим у С. Кольриджа и Т. Мура. Но большей частью Восток у романтиков был тесно связан с поисками идеала, поэтому в некоторых произведениях он показан в иллюзорно-идеалистическом плане. «Восточный стиль стал для них стилем свободы» [121, с. 15].

В романтических произведениях Восток проявляет себя по-разному. Это могут быть вставные «восточные» повести, новеллы в составе более крупного художественного произведения; часто восточные мотивы служат иллюстрацией определенной идеи писателя. Самую большую группу составляют собственно «восточные» произведения романтиков.

К произведениям первого типа относится роман Ч.Р. Метьюрина (1782-1824) «Мельмот Скиталец» (1820). В построении романа автор использовал прием рамочного повествования, заимствованный из восточной литературы. Непосредственно восточные мотивы отразились в одной из вставных повестей – «Повести об индийских островитянах» и следующих за ней главах о встрече Мельмота с Иммали.

В «Повести об индийских островитянах» рисуется идиллический мир, тропическая природа безлюдного острова в Индийском океане. «...на скалах пестрели цветы всем великолепием красок, ими любит украшать себя флора Востока. Среди них была та яркая великолепная лилия, что и ныне еще утверждает превосходство свое над царем Соломоном, ибо тот во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Была роза, раскрывающая свои “райские” лепестки, и багровый бомбек <...>» [93, с. 271]. Писатель не ограничивается описанием природы острова, он повествует о кровавых ритуалах в честь черной богини Шивы, о жертвах в виде бумажных корабликов с цветами богу любви Камдео. Краски для описания природы, подробностей жизни бенгальцев, индуистской мифологии Метьюрин, по его

собственному указанию, заимствовал из «Индийских древностей» Т. Мориса, считавшихся в его время авторитетным справочником по вопросам религии, мифологии, культуры, государственных учреждений Индии.

Поэтическим источником «Повести об индийских островитянах» были восточные поэмы Р. Саути, в особенности поэма «Проклятие Кехамы» (1810), и ученое предисловие к ней, где приведено «Краткое описание мифологических имен». Опираясь на эти источники, Ч.Р. Метьюрин создает прекрасную лирическую песню-жалобу молодого индуса. Писатель сумел передать атмосферу жизни индийских островитян, наполненную благоуханием «цветущих тамариндов, какаовых деревьев и пальм», и это стало значительным достижением английской ориентальной литературы.

Ориентализму отдали дань поэты «озерной школы» С.Т. Кольридж и Р. Саути, а также близкий к У. Вордсворту Д. Вильсон. Д. Вильсон (1785-1854) издал в 1812 г. свой первый поэтический сборник «Остров пальм и другие стихи». Главная поэма сборника так и называлась – «Остров пальм». Несмотря на воспроизводимую здесь тропическую природу, поэма по сути дела является «озерной идиллией» в стиле Вордсворта.

С.Т. Кольриджем (1772-1834), одним из главных представителей «озерной школы», в 1797/98 г. была написана поэма «Кубла Хан, или Видение во сне». Это незаконченный фрагмент, содержащий подробное описание фантастического «восточного» пейзажа, окружающего строящийся сказочный дворец властительного деспота Кубла Хана. Создание ханского дворца в поэме – не вымысел автора. Сходный эпизод можно найти в летописях. Сам поэт в предисловии отмечал: «...он [автор] уснул в креслах как раз в тот момент, когда читал следующую фразу (или слова того же содержания) в “Путешествии Пэрчаса”: «Здесь Кубла Хан повелел выстроить дворец и насадить при нем величественный сад <...>» [70, с. 193]. Хотя поэма основана на реальных событиях, поданы они как «видение во сне», поэтому восточный колорит здесь достаточно условен.

Значительное место восточная тема занимает в творчестве другого лейкиста – Р. Саути (1774-1843). Поэт никогда не бывал в восточных странах, но благодаря изучению различных свидетельств и собственной фантазии ему удалось создать прекрасные «восточные» произведения. Речь идет о поэмах «Талаба-разрушитель» (1801) и «Проклятие Кехамы» (1810). В первой повествуется об арабском витязе Талабе, опекаемом сверхъестественными «благими» силами. Талаба сражается против мирового зла, воплощенного в злых волшебниках. Вторая поэма также построена на вере в высшие силы. Благодаря этой вере благочестивый и набожный Ладурлад побеждает колдуна-раджу Кехаму. Обе поэмы представляют собой часть замысла Саути переложить в рифмованные строки некоторые мифы восточных народов.

Поэма Т. Мура (1779-1852) «Лалла Рук» (1817) стала исключительным явлением в английской литературе того времени. Подобно Р. Саути, Т. Мур опирался только на книжные источники, но некоторые критики не могли поверить, что поэма «Лалла Рук» написана человеком, никогда не бывавшим ни в Индии, ни в Персии. Дж. Г. Байрон в письме Т. Муру от 10 июля 1817 г. отметил, что поэт «в совершенстве передал восточный колорит» [6, с. 148]. Эта поэма – размышления об английской современности, вставленные в причудливую рамку восточной повести о встрече принца Фераморза и индийской принцессы Лалла Рук. Устами Фераморза рассказаны четыре сказки – «Хорасанский пророк под покрывалом», «Огнепоклонники», «Рай и Пери» и «Светоч Гарема». Первые две посвящены теме восстания, в них Мур изображает фанатическое мужество масс и их жертвенную решимость погибнуть в борьбе за свободу. В сказке «Рай и Пери» подчеркнута религиозно-примирительная идея. В «Светоче Гарема» царит атмосфера эротичности, подчиняющая себе все чувства и помыслы Селима и Нурмахаль. Язык поэмы стилизован под язык арабских сказок «Тысячи и одной

ночи» и пестрит сложными сравнениями, именами и названиями, заимствованными из литературы Средней Азии.

К теме Востока также обращался П.Б. Шелли (1792-1822). Но в отличие от Т. Мура, в его творчестве восточные образы играют более декоративную и эпизодическую роль. В поэме «Аластор» (1815) герой, не найдя химерического счастья, погибает где-то в Кавказских горах. В этом произведении реальность и сон переплетены так тесно, что образы Востока, проступающие сквозь канву поэмы то в виде танцующей эротические танцы девушки, то в виде покинутой арабской возлюбленной, кажутся нереальными. Полностью служебную функцию выполняет Восток в другой поэме – «Восстание Ислама, революция в Золотом городе, или Видение XIX столетия» (1818). Главная тема поэмы – осмысление освободительной борьбы народов Европы, переданной с помощью восточной декоративности. Наиболее «восточным», пожалуй, представляется стихотворение Шелли «К Нилу» (1818). Поэт рисует реку от истоков до устья, но в последних двух стихах раскрывается, что образ Нила нужен ему как аллегория Мудрости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.